

КАЧЕСТВО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА И КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

А. В. Победкин

*Управление организации профессиональной подготовки Департамента
государственной службы и кадров МВД России*

Поступила в редакцию 21 февраля 2012 г.

Аннотация: *статья посвящена вопросам качества уголовно-процессуального закона с точки зрения лингвистики, логики, точности/правильности, терминологии. Все рассмотренные примеры обоснованы и проанализированы. Автор рассматривает проблему компетентности законодателя.*

Ключевые слова: *логика, лингвистика, терминология, точность/правильность, компетентность, стабильность, ошибки, законодатель, уголовно-процессуальные права.*

Abstract: *the article is devoted to the consideration of the quality of the criminally-remedial law from the point of view of linguistics, logic, accuracy, terminology. The corresponding examples are resulted and analyzed. The author appeals to the question on the legislator competence, estimating the providing of the requirements shown to the criminal-procedure law.*

Key words: *logic, linguistics, terminology, accuracy, competence, stability, errors, legislator, criminal-procedure law.*

В каждой естественной науке столько
истины, сколько в ней математики.

И. Кант

Служенье Муз не терпит суеты,
Прекрасное должно быть величаво.

А. С. Пушкин

Оценка качества современного уголовно-процессуального закона специалистами сегодня вряд ли может быть диаметрально противоположной. Можно спорить о ценности тех или иных идей, заложенных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК), но форма их выражения не выдерживает самой щадящей критики. Текст УПК изобилует терминологическими неточностями, многословием, часто не позволяет уяснить действительную волю законодателя. Претензии логического плана можно предъявить как к структуре самого УПК, так и к системе норм его разделов, глав. Нередко, очевидно, нелогично и содержание конкретных норм закона.

Причины, повлекшие такое состояние УПК – известны. Это и отсутствие ясной концепции на момент его принятия, гипертрофированное воздействие идей политического и геополитического порядка, с трудом поддающееся формализации количество не всегда вызываемых необходимостью несогласованных изменений и дополнений, утеря традиции

серьезного и глубокого обсуждения предполагаемых корректив, игнорирование научных достижений и т.д.

В целом не будет преувеличением сказать, что законодатель перестал уважать уголовно-процессуальный закон в той мере, в которой он того не только заслуживает, но и требует.

Уголовно-процессуальный закон, как никакой другой нормативный акт, должен быть стабилен, понятен, легально истолкован. Эти характеристики определяют уровень защиты важнейших конституционных прав и свобод человека, находящегося в любом процессуальном статусе. Пользуясь этими правами и свободами ежедневно, человек перестает осознавать их ценность, а люди, составляющие сущность понятия «законодатель», и вовсе вряд ли ставят себя на место такого участника уголовного судопроизводства, как обвиняемый, а иногда и потерпевший.

Среди причин пробелов в праве называют недостаточную компетентность законодателя, несовершенство нормотворческого процесса¹.

Компетентность определяется как свойство компетентного, т.е. знающего, осведомленного, авторитетного в какой-либо области². Между тем законы пишут преимущественно не те люди, которые за них голосуют. В связи с этим важно, чтобы проекты законов готовили специалисты, компетентность которых действительно не вызывает сомнений, а голосовали люди, способные как минимум оценить уровень квалификации тех, кто работал над законопроектом. Законодатель, который готов поддерживать лавину уголовно-процессуальных новелл, напроочь нивелирующих названные выше требования к УПК должен задуматься над совершенствованием законотворческого процесса, в противном случае все пробелы уголовно-процессуального закона могут быть поставлены в вину конкретным людям, принимавшим участие в голосовании.

Изменения и дополнения в УПК, должны приниматься, прежде всего, в рамках разработанной признанными специалистами, широко обсужденной и одобренной законодателем концепции реформирования уголовно-процессуального закона. Коррективы уголовно-процессуального закона не должны ломать основные идеи, его пронизывающие (принципы уголовного судопроизводства), структуру уголовно-процессуального закона, логику текста и должны соответствовать принятой терминологии.

Нелогичность уголовно-процессуального закона, вызванная победой одних политических идей и поражением других, вряд ли может быть оправдана или хотя бы объяснена. Речь идет, например, об ограничении компетенции суда присяжных, возможности коллегиального рассмотрения уголовных дел в судах районного уровня, резком расширении сферы упрощенного судебного разбирательства (глава 40¹ УПК)³ и т.д.

¹ См.: Тихомирова В. В. Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 14.

² См.: Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М., 2008. С. 351.

³ В 2010 г. районными судами в особом порядке рассмотрено 54 % уголовных дел от общего числа рассмотренных с вынесением приговора и прекращением

Законодатель не может позволить себе небрежность. Небрежность законодателя граничит с его некомпетентностью. К сожалению, именно небрежное отношение законодателя к тексту, слову, термину в УПК стало нормой.

Одним из первых на лингвологические проблемы УПК обратил внимание заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Н. Е. Павлов⁴, который отметил, что авторы УПК «не позаботились о языке закона, четком, ясном и понятном изложении норм и правил его, их соотношении друг с другом и логическом расположении»⁵, в УПК имеются «существенные погрешности, досадные просчеты, просто нелепости, главным образом языкового характера»⁶. Н.Е. Павлов приходит к выводу о бессмысленности (тавтологии) ряда формулировок УПК⁷.

В литературе описывается отношение А. С. Пушкина к написанным им «Повестям Белкина». «Пушкин рассказами своими остался доволен. Когда они были напечатаны, кто-то спросил его: – Кто этот Белкин? – Кто бы он ни был, а писать вот так и надо – просто, коротко, ясно, – ответил, смеясь, Пушкин»⁸. Это пушкинское правило должен усвоить законодатель.

Очевидно, что небрежно написанный закон, во-первых, обязательно будет пробельным, противоречивым, неясным; во-вторых, породит неуважение к законодателю, а значит, и к плодам его деятельности – закону, тем самым усиливая правовой нигилизм правоприменителя.

уголовного дела, мировыми судьями – 54,6 %. В 2009 г. этот показатель составлял соответственно 50,3 и 50,5 % (см.: Сайт: cdep.ru). Следует учитывать, что увеличение количества уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке, происходит на общем фоне снижения количества регистрируемых преступлений (в 2010 г. зарегистрировано 2629,8 тыс. преступлений, что на 12,2 % меньше, чем в 2009 г.; соответственно в 2009 г. зарегистрировано преступлений на 6,7 % меньше, чем в 2008 г.) (см.: Сайт: mvd.ru).

При этом, критерий упрощения судебного разбирательства в случае особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не связан с самим упрощением. Здесь неясно, почему положительное посткриминальное поведение не только влечет привилегии при назначении наказания, но и исключает проверку судом доказательств виновности данного лица.

⁴ См.: Павлов Н. Е. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (опыт лингвологического анализа) // Досудебное производство : проблемы и перспективы : материалы межведомственной науч.-практ. конф., посвященной 5-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. А. В. Ендольцевой; О. В. Химичевой. М., 2007. С. 3–6. Развивая опыт профессора Н. Е. Павлова, к этим проблемам обращался и автор настоящей статьи (см.: Победкин А. В. Продолжая опыт профессора Н. Е. Павлова // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы расследования преступлений в современных условиях : материалы науч.-практ. конф. Орел, 2011. С. 105–110.

⁵ Павлов Н. Е. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (опыт лингвологического анализа). С. 3.

⁶ Там же.

⁷ См. об этом: Там же. С. 4–6.

⁸ Тьркова-Вильямс А. В. Жизнь Пушкина : в 2 т. 5-е изд. М., 2006. Т. 2 : 1824–1837. С. 283.

При принятии УПК законодатель изначально занял вряд ли верную позицию недостаточного уважения к правоприменителю. Об этом, в частности, свидетельствует наличие в первоначальной редакции текста УПК бланков процессуальных документов, отсутствие которых ранее, по мнению разработчиков УПК, «вело к многообразию законности в сфере уголовного судопроизводства»⁹. Неверие в способность должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, использовать доступные юридической практике юридические инструменты правоприменения (аналогия, толкование и др.) обуславливает попытки законодателя «зарегламентировать» любые мыслимые ситуации. Очевидно, это невозможно. Стремление к этому загромождает уголовно-процессуальный закон, делает его неудобным, тяжеловесным и все-таки оставляет «незаконченным», поскольку все возможные ситуации при производстве по уголовному делу предусмотреть не удастся никогда.

В то же время УПК содержит и такие положения, которые трудно адекватно истолковать даже грамотному правоприменителю, в том числе и в связи с лингвистической слабостью, алогичностью формулировок или их системы.

Обратимся лишь к некоторым примерам, характеризующим лингвистический уровень действующего УПК.

Например, законодатель дезориентирует правоприменителя в части срока возможного действия меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе дознания, порядке его продления. Так, в ч. 4 ст. 224 УПК установлено, что при невозможности закончить дознание в срок до 30 суток и отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения в виде заключения под стражу этот срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня в порядке, установленном ч. 3 ст. 108 УПК, по ходатайству дознавателя с согласия прокурора района, города или приравненного к нему военного прокурора на срок до шести месяцев.

Лингвистическое толкование ч. 4 ст. 224 УПК («этот срок») свидетельствует, что речь идет о продлении срока дознания. Однако очевидно, что срок дознания продлевается не судом, а прокурором. Отсюда следует, что в ч. 4 ст. 224 УПК регламентируется порядок продления срока содержания под стражей в случае, когда дознание не может быть завершено в 30-суточный срок. Сделанный вывод вызывает вопрос о том, действует ли установленный ч. 1 ст. 109 УПК двухмесячный срок содержания под стражей в ходе дознания, необходимо ли продлевать срок содержания под стражей по истечении 30-суточного срока дознания, если общий срок содержания под стражей составил менее 30 суток?

Причиной возникновения обозначенных проблем стало механическое перенесение положений ч. 2 ст. 109 УПК, регламентирующих продление

⁹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 814.

сроков содержания под стражей в ходе предварительного следствия на производство дознания. При этом не учтено, во-первых, то, что редакция ч. 2 ст. 109 УПК также не выдерживает критики, поскольку смешивает двухмесячный срок предварительного следствия и двухмесячный срок содержания под стражей, требуя продлевать срок содержания под стражей по истечении двухмесячного срока следствия; во-вторых, что срок дознания составляет 30 суток и не корреспондирует со сроком содержания под стражей, даже в случаях задержания (с последующим избранием меры пресечения в виде заключения под стражу) в день возбуждения уголовного дела.

Несмотря на то, что в научной литературе уже обращалось внимание на абсурдность приведенных выше формулировок, законодатель воспроизвел их в третий раз в ч. 2 ст. 107 УПК, в части установления сроков домашнего ареста.

В УПК неоднократно используются неразъясненные термины. Так, в ст. 5 не разъясняется термин «орган предварительного расследования». Согласно п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК прокурор уполномочен «передать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования)». Указанное положение лингвистически лишено элементарной логики. Очевидно, что «орган предварительного расследования» в скобках и вне таковых понимается законодателем неодинаково. Если истолковать рассматриваемое положение так, что прокурор уполномочен передавать уголовные дела и материалы проверки сообщения о преступлении для дальнейшего производства лишь в другой орган исполнительной власти или Следственный комитет Российской Федерации (что, по-видимому, и предполагалось законодателем), неясно, вправе ли прокурор передать уголовное дело (материалы проверки сообщения о преступлении) от органа дознания в следственный орган того же органа исполнительной власти, не ограничивает ли п. 12 действие п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК.

Наряду с неясным термином «орган предварительного расследования» в тексте УПК используется также невнятный термин «следственные органы» (п. 3 ч. 2 ст. 37). В результате неясно, от кого же прокурор требует устранения нарушений федерального законодательства: от следователя (ч. 3 ст. 38) или от следственного органа (п. 3 ч. 2 ст. 37). Судя по разъяснению термина «руководитель следственного органа» (п. 38¹ ст. 5) – «следственный орган» – это соответствующее следственное подразделение, а не конкретный следователь. Однако в таком случае сомнительна формулировка п. 2¹ ч. 1 ст. 39, устанавливающего полномочия руководителя следственного органа отменять по находящимся в производстве подчиненного следственного органа уголовным делам незаконные или необоснованные постановления руководителя, следователя (дознателя) другого органа предварительного расследования. Уголовное дело находится в производстве следователя, а не следственного подразделения.

Попытавшись конкретизировать порядок применения домашнего ареста в качестве меры пресечения, законодатель в ч. 1 ст. 107 УПК указывает на возможность полной или частичной изоляции от общества подозреваемого или обвиняемого. В ч. 13 этой статьи законодатель, устанавливая правила встречи обвиняемого или подозреваемого с защитником, вновь обращается к термину «полная изоляция от общества», однако содержание данного термина не разъясняется: имеются ли в виду все запреты и ограничения, указанные в ч. 7 ст. 107 УПК, либо только некоторые из них, например указанные в п.1 и 2. В ч. 9 ст. 107 УПК законодатель вводит термин «условия исполнения» домашнего ареста, за нарушение которых в отношении обвиняемого (подозреваемого) может быть избрана более строгая мера пресечения. Однако такая процессуальная санкция в отношении данных участников процесса может наступить лишь за нарушение установленных ограничений и запретов. Кроме того, вряд ли установленный судом срок домашнего ареста может считаться условием его исполнения.

Нет ясности и в вопросе о том, какой именно федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции (наряду с органом, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных) может осуществлять контроль за соблюдением наложенных на подозреваемого, обвиняемого запретов и ограничений.

В той же статье вместо терминов, разъясненных в ст. 5 УПК, используется термин с неясным содержанием: «исполнение меры пресечения». В то же время в порядке, установленном ст. 108 УПК, домашний арест, очевидно, не применяется, а избирается (п.13, 29 ст. 5 УПК).

Путаница в понятиях, используемых в УПК, обязывает законодателя дать в его ст. 5 соответствующие разъяснения.

Имеют место и случаи, когда термины, нечетко разъясненные в УПК, будучи использованными в определенном контексте, порождают противоречивые, нередко и «незаконные» формулировки. Так, п. 55 ст. 5 дает понятие уголовного преследования – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. В литературе обращалось внимание на нечеткость определения. В частности, не вполне ясно, начинается ли уголовное преследование лишь при наличии подозреваемого или обвиняемого либо имеет место и ранее, в ходе их установления¹⁰. Нечеткость дефиниции порождает новые вопросы.

Так, согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК прокурор уполномочен выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или в орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. В п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК к числу поводов

¹⁰ См. об этом, например: *Баев О. Я.* Сущность, формы и дефиниции института уголовного преследования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 1(4). С. 255.

для возбуждения уголовного дела отнесено «постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании». Возникают вопросы: где в УПК предусмотрено решение вопроса об уголовном преследовании? Как оно процессуально оформляется? Является ли началом уголовного преследования возбуждение уголовного дела по факту? Какие препятствия усмотрел законодатель к тому, чтобы прямо написать, что материалы направляются для решения вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела?

Несовершенство некоторых формулировок нередко усугубляется законодателем путем внесения в них изменений и дополнений. Так, в литературе обращалось внимание на невозможность четкого понимания момента исчисления пятисуточного срока, установленного ч. 4 ст. 39 УПК для рассмотрения руководителем следственного органа требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранения иных нарушений федерального законодательства, а также письменных возражений следователя на указанные требования¹¹. После изменений в ч. 4 ст. 39 УПК, внесенных в декабре 2010 г.¹², неясность усилилась: неужели законодатель предписал руководителю следственного органа направлять прокурору мотивированное постановление о несогласии с его требованиями в течение пяти суток после вынесения (очевидно, оно должно направляться незамедлительно) или подразумевается, что пятисуточный срок направления прокурору указанного постановления исчисляется иначе (например, с момента поступления требования к следователю или с момента поступления к руководителю следственного органа письменных возражений следователя). Почему бы законодателю не указать прямо, с какого момента исчисляются указанные в ч. 4 ст. 39 УПК сроки, что «напрашивается» при формулировке любых предложений, в которых речь идет о сроках?

Изменения в УПК, внесенные Федеральным законом Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия», сопровождаются и иными лингвистическими просчетами, имеющими прямые процессуальные последствия. Например, п. 5¹ ч. 2 ст. 37 УПК предусматривает право прокурора «истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с настоящим Кодексом». Что именно имеет право истребовать прокурор? Истребовать

¹¹ См.: Победкин А. В., Новиков Е. А. Руководитель следственного органа (процессуальные и организационные аспекты). М., 2010. С. 128.

¹² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия : федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ // Рос. газ. 2010. 30 дек.

законность и обоснованность? Нонсенс. Истребовать решения? Истребовать материалы проверки, уголовное дело и соответствующие решения?

Небрежное использование законодателем некоторых терминов иногда подрывает существенные процессуальные гарантии. Так, новая редакция п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК лишает гарантий неприкосновенности заместителей прокуроров района (города). В прежней редакции данного пункта предусматривалось, что решение о возбуждении уголовного дела (или о привлечении в качестве обвиняемого) в отношении прокурора, руководителя следственного органа, следователя, принимается вышестоящим руководителем следственного органа – Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Термин «прокурор» согласно п. 31 ст. 5 УПК подразумевает любых должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре¹³. Полномочия прокурора, предусмотренные ст. 37 УПК, осуществляются прокурорами района, города, их заместителями, приравненными к ним прокурорами и вышестоящими прокурорами (ч. 5 ст. 37 УПК). Таким образом, на особый порядок возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого могли рассчитывать и заместители прокурора. Современная редакция п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК предусматривает особенности принятия указанных решений в отношении «прокурора района, города, приравненных к ним прокуроров», а также в отношении вышестоящих прокуроров. Заместитель прокурора не является прокурором, приравненным к прокурору района. Термины «прокурор», «прокурор района» – не тождественны. Вряд ли законодатель имел в виду лишение процессуальных гарантий заместителей прокуроров районов (городов). Вероятно, имеет место небрежность в терминологии¹⁴.

Имея в виду, что доказательства являются допустимыми лишь тогда, когда собраны способами, прямо предусмотренными законом, вызывает удивление отсутствие в тексте УПК единообразия названий некоторых следственных действий. Так, в наименовании главы 26 УПК указывается на такие следственные действия, как «опознание» и «проверка показаний». Однако статьи УПК, регламентирующие порядок производства этих (или иных?) действий называются соответственно «предъявление

¹³ К слову, точнее было бы употребление термина «законодательством», а не законом, поскольку в таком случае необходимо было указывать точное название закона, так как «федерального закона о прокуратуре» не существует.

¹⁴ Следует отметить, что помощники прокурора согласно и прежней редакции рассматриваемого пункта, на наш взгляд, не относились к числу лиц, в отношении которых решение о возбуждении уголовного дела (привлечении в качестве обвиняемого) должно было приниматься в особой процедуре. Помощники прокурора на основании ч. 5 ст. 37 УПК не являются должностными лицами органов прокуратуры, участвующими в уголовном судопроизводстве, а значит, и не охватываются понятием прокурора, используемым в УПК (при этом термин «прокурор», используемый в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», к этим должностным лицам относится).

для опознания» (ст. 193) и «проверка показаний на месте» (ст. 194). В самом тексте ст. 194 УПК используются разные названия действия: «проверка на месте показаний», «проверка показаний».

В п. 14¹ ст. 5 УПК разъясняется термин «контроль телефонных и иных переговоров», который в этом виде в УПК используется лишь в п. 11 ч. 2 ст. 29. В то же время следственное действие, содержанием которого является контроль и запись телефонных и иных переговоров называется «контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК) и в ст. 29 УПК не упоминается. Следственное действие, именуемое в главе 25 как «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления», в ст. 185 УПК названо иначе: «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка»¹⁵, в п. 8 ч. 2 ст. 29 УПК – «наложение ареста на корреспонденцию».

Некоторые положения УПК, в целом доступные для понимания, не выдерживают критики с точки зрения русского языка. Так, п. «а» ч. 1¹ ст. 148 УПК предусматривает, что «Решение об отказе в возбуждении уголовного дела *в связи* (курсив наш. – А. П.) с мотивированным постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства, ... может быть принято только с согласия руководителя следственного органа». Представляется, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается *не в связи* с указанным мотивированным постановлением прокурора, а в связи с наличием оснований отказа в возбуждении уголовного дела. Точнее было бы: «Решение об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки постановления прокурора...».

Постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК) логично было бы разместить после п. 2 этой же части (явка с повинной). В данном случае сообщение о преступлении, полученное из иных источников, логично завершало бы перечень поводов для возбуждения уголовного дела.

Введенная в ч. 1 ст. 140 УПК ч. 1.1 дает основание полагать, что законодатель предусмотрел еще один повод для возбуждения уголовного дела – материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Возможно, речь идет о заявлении о преступлении, но это можно только предполагать. Отсутствие «материалов», предусмотренных в ч. 1.1 ст. 140 УПК в перечне поводов, предусмотренных ч. 1 этой статьи, порождает вопрос о легитимности возбуждения уголовного дела по таким материалам.

Некоторую долю иронии способна вызвать и формулировка ч. 1 ст. 106 УПК, определяющая понятие залога: «Залог состоит во внесении или пе-

¹⁵ Это дает основание полагать, что осмотр и выемка почтово-телеграфных отправлений не входит в содержание следственного действия «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления».

редаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного разбирательства – в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений». «Внесение» или «передача» в орган, в производстве которого находится уголовное дело, недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей, акций и облигаций – терминология явно неудачная, тем более в условиях усиления борьбы с коррупционными проявлениями.

В рассматриваемой формулировке лишней представляется фраза «а на стадии судебного разбирательства – в суд», поскольку суд на любых стадиях уголовного судопроизводства, имеющих своим содержанием судебное разбирательство (п. 51 ст. 5 УПК) – орган, в производстве которого находится уголовное дело¹⁶.

Нельзя признать лингвистически безупречным и п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК, согласно которому к органам дознания относятся: «органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения) полиции...». Линейные подразделения полиции не входят «в том числе» в состав территориальных подразделений полиции, а являются составной частью органов внутренних дел наряду с территориальными подразделениями.

Таким образом, компетентность законодателя определяется не только умением заложить в закон необходимую идею, но и ответственностью при голосовании за качественно написанный текст закона.

¹⁶ Вне предмета рассмотрения настоящей статьи находятся проблемы применения закона, порожденные некачественным текстом статьи. Например, вправе ли следователь, дознаватель ходатайствовать перед судом о применении залога в качестве меры пресечения либо это право предоставляется исключительно подозреваемому, обвиняемому, другому физическому или юридическому лицу (ч. 2 ст. 106 УПК).

Управление организации профессиональной подготовки Департамента государственной службы и кадров МВД России

Победкин А. В., доктор юридических наук, профессор

E-mail: pab@tula.net

Тел.: 8-910-942-22-51

Management of the Organization of Vocational Training of Department of Public Service and Shote of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Pobedkin A. V., Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: pab@tula.net

Tel.: 8-910-942-22-51